

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тов. Димитров на VII конгрессе Коминтерна упрекнул тех коммунистов, которые „ничего не делают, чтобы исторически правильно, в подлинном марксистском, ленинско-марксистском, ленинско-сталинском духе осветить перед трудящимися массами прошлое их собственного народа“.

В настоящее время на изучение истории народов СССР обращено самое серьезное внимание. Вскрыты ошибочные взгляды, свойственные так называемой „исторической школе Покровского“. Эта школа приводила не к исследованию фактов, а к абстрактным схемам и недооценке прошлого нашей великой родины.

„Чтобы знать прошлое, т. е. понять подлинные закономерности развития человечества, необходимо глубочайшее марксистско-ленинско-сталинское изучение фактов. Только при этих условиях история станет наукой объективной. В трудах классиков марксизма абстрагирование, как известно, ничего общего не имеет с „формальной логикой“, с пренебрежением к фактам, а, наоборот, вытекает из самого глубокого и тщательного исторического изучения конкретности...; пренебрежение к изучению конкретности привело Покровского к тому, что в его работах характерен схематизм, не позволивший ему понять и объяснить целый ряд исторических явлений“ („Большевик“, № 3, 1936 г.).

Постановления правительства и партии и замечания тт. Сталина, Жданова и Кирова по поводу конспектов учебников дают историкам целую программу для перестройки работ на историческом фронте. В свете этих ценнейших указаний должна перестраиваться и вся работа по истории Великого Новгорода, этого типичного феодального образования.

Затасканные неверные схемы, прилагаемые к истории Новгорода, до недавнего времени были тяжелой помехой не только для развития объективных обобщений, но даже и для добросовестного подбора фактического материала. С другой стороны, не секрет, что до самого последнего времени история Новгорода строилась почти исключительно

на данных письменных источников без достаточного предварительного критического их изучения и, почти полностью, без учета всего богатого наследия в области памятников материальной культуры. Если к этому прибавить, что и вопросы периодизации в истории Новгорода страдали неточностью, то мы перечислим основные препятствия, мешавшие плодотворной работе на одном из крупных участков нашей исторической науки.

Будучи окружены исключительной заботой правительства и обладая материальными и научными возможностями для солидных исследовательских работ, Новгородские музеи при содействии Государственной академии истории материальной культуры приступают сейчас к изданию исторических сборников.

Задача сборников — выявление новых фактов, пересмотр старого фактического наследия, освещение вопросов истории Новгорода на базе комплексного привлечения всех многочисленных источников.

Сборники в значительной степени будут отражать достижения в плановой работе Новгородских музеев, а по возможности и выходить за эти пределы, поскольку редакции сборников удастся привлечь к сотрудничеству научные силы наших научных центров.

Предложенные в I сборнике статьи группируются вокруг малоисследованных проблем по истории, топографии древнего Новгорода и строительства новгородских крепостей. В этом сборнике публикуются результаты археологических раскопок в Новгороде за 1932 г.

Редакция Новгородского исторического сборника ставит перед собой задачу — выпускать сборник регулярно, не менее двух книжек в год.

ПОРХОВСКАЯ КРЕПОСТЬ

Ф. Энгельс дал прекрасную характеристику общественных отношений, связанных с техническим переворотом в военном деле, вызванным появлением пороха и огнестрельного оружия.

Приводимые нами ниже наблюдения о реконструкции средневековых русских каменных крепостей под влиянием огнестрельного оружия вполне подтверждаются следующими соображениями Ф. Энгельса об исторической роли пороха и огнестрельного оружия.

„В начале XIV в. порох от арабов проник в Западную Европу и, как это известно каждому школьнику, произвел переворот во всех отраслях военного дела... Введение же огнестрельного оружия подействовало преобразующим образом не на одно, собственно, военное дело, но также на политические отношения подчинения и господства. Для приобретения пороха и огнестрельного оружия требовались промышленность и деньги, а этими двумя вещами владели горожане. Поэтому огнестрельное оружие стало с самого начала оружием горожан и возвышавшейся при их поддержке монархии против феодального дворянства. Неприступные до тех пор каменные твердыни дворянских замков пали перед пушками горожан, а пули их винтовок пробили рыцарские латы¹⁾).

Ранние периоды развития огнестрельного оружия в Восточной Европе падают на конец XIV и начало XV столетий.

О том, как отразилась новая огнестрельная техника на фортификации древне-русских крепостей, — этот вопрос никогда не подвергался исследованию.

Вообще древне-русские крепости, как памятники архитектуры, почти совершенно не изучались дореволюционной археологией, занимавшейся больше описанием церковных сооружений²⁾.

¹⁾ Ф. Энгельс. — „Анти-Дюринг“, Партиздат, 1934, стр. 119.

²⁾ „История русского искусства“, под редакцией И. Грабаря удела очень незначительное место архитектуре крепостей.

До сих пор, несмотря на всю важность, в истории русского зодчества крепостные сооружения, за малыми исключениями, не фиксированы, не описаны и не изучены¹⁾.

Литература по данному вопросу крайне бедна, чрезвычайно устарела и отличается большой примитивностью и нелепостью суждений, не говоря уже о реакционности исторических установок дореволюционных авторов, которым принадлежит подавляющее большинство описаний памятников древнего военного зодчества.

Смелое утверждение Н. Е. Бранденбурга, что новгородская каменная крепость в Старой Ладоге, „воздвигнутая в начале XII в.“, имеет первенствующее значение как памятник, который сохранился до наших дней почти в первоначальном своем виде, „без более или менее капитальных изменений первоначальной своей конструкции“²⁾, оказывается совершенно несостоятельным в свете истории военной техники и сравнительного изучения дошедших до нас памятников древнего каменного крепостного зодчества.

Мы имеем достаточно примеров (наиболее ярким из которых, пожалуй, является Новгородский кремль), убеждающих в том, что современный вид древних крепостей в большинстве случаев не имеет ничего общего с их первоначальным видом и конструкцией.

Совершенно очевидно, что реконструкция военных сооружений, проживших многовековую историю, при коренных изменениях военной техники, неизбежных в действительной истории, вызывала капитальные изменения их первоначального вида и конструкции.

Эта простая истина часто не учитывалась исследователями древней каменной фортификации.

Ошибка Бранденбурга характерна и для других дореволюционных авторов, занимавшихся описанием отдельных древних каменных крепостей, как, например: Гусев, Окулич-Казарин, Рерих, Лебедев и др.³⁾.

1) А. И. Некрасов в „Очерках по истории древне-русского зодчества“ (1936 г.) не заполняет этого белого пятна в истории русской архитектуры.

2) Н. Е. Бранденбург. — „Старая Ладога“, 1896 г., стр. 133.

3) П. Гусев. — „Изображение Новгородского Детинца на иконе Михайловской ц.“

Н. Окулич-Казарин. — „Новые данные по топографии и истории Пскова“, Труды Псковского арх. об-ва, вып. II, 1915 г.

Он же. „Летописная история Изборска“, Труды Псковск. арх. об-ва, в. 12, 1915—1916 гг.

В. Н. Рерих. — „Новгородские стены“.

В. Брикенберг. — „Изборск как памятник крепостного зодчества и Гремячая башня во Пскове“, труды Псковск. арх. об-ва, в. 12.

Е. Е. Лебедев. — „Порхов и его окрестности“, 1915 г.

Таким образом, вопрос о каменных феодальных крепостях Новгородского и Псковского краев остался до сих пор неисследованным. Даже наиболее важные и притом хорошо сохранившиеся памятники совершенно не подвергались специальному изучению, как памятники материальной культуры. Порхов и Копорье, важнейшие новгородские крепости, несмотря на всю важность их для истории каменной фортификации на северо-западе древней Руси, при наличии нескольких посвященных им исторических очерков, не обратили на себя внимания исследователей памятников материальной культуры.

Особенно необходимо подчеркнуть, что, хотя для изучения этих вопросов мы, как будто, и располагаем довольно большим сравнительным материалом, однако среди дошедших до нас памятников военного зодчества на северо-западе Руси ни один не может дать разрешения тех проблем, которые с удивительной ясностью и легкостью открываются нам при рассмотрении Порховской крепости.

Действительно, несмотря на ранние даты, XII—XIV вв., зафиксированные письменными источниками, стены и башни Новгородского кремля, Староладожской крепости, кремля и Среднего города во Пскове, Копорья и Изборска совершенно не дают точных материалов для выяснения их первоначального вида, будучи неузнаваемо изменены позднейшими реконструкциями.

Более поздние крепости — Гдов, стены Окольного города во Пскове, Остров и Печерский монастырь, связанные с большим развитием огнестрельного оружия, — не могут быть достаточно изучены без ранних типологических памятников, ключом к которым служит бесспорно Порховская крепость XIV—XV вв., которая является, таким образом, наиболее ранним и достоверным источником по сравнению со всеми другими памятниками этого рода. Доказательства этого положения мы и приводим ниже.

Изучение Порховской крепости имеет исключительное значение, так как только она сохранила в совершенно непеределанном виде части стен и башен XIV в., поражающих исследователя прекрасной степенью сохранности, позволяющей с полной четкостью и ясностью разрешить основные вопросы о характере русских каменных крепостей XIV в., и дает прочный материал для суждения о формах и устройстве каменных укреплений до появления и развития артиллерии.

Известно, что в первой половине XIII века, а именно в 1239 г., новгородский князь Александр „сруби городцы

по Шелоне¹⁾. Возникновение Порховской крепости, повидимому, необходимо отнести к этому времени. Первое прямое известие о Порхове относится лишь к 1346 г., когда великий литовский князь Ольгерд предпринял поход на реку Шелонь и Лугу. Летопись сообщает при этом, что „с Порховского городка и с Опоки взя окуп“²⁾. Большинство летописей определяет окуп, полученный с Порхова, „в триста рублей“ и в „триста рублей и шестьдесят новгородских“.

Каменная крепость в Порхове, являющаяся предметом нашего исследования, была построена в 1387 г. Под 1387 г. в первой Новгородской летописи сообщается: „того же лета благослови владыка Алексей весь Новгород ставити город Порхов камен, и послаша новгородцы Ивана Федоровича, Фатьяна Есиповича, и поставиша город Порхов камен“³⁾. Другие летописи прибавляют: „...главным серебром демественника святыя Софея“. Иными словами, Порховская крепость была построена на средства, хранившиеся „на палатах у св. Софии“. Б. Д. Греков делает предположение о возможности сопоставить „главное серебро“ с серебром, взятым с „палатной маковицы“. Иначе трудно понять неясные, быть может, испорченные слова летописи: „главным серебром демественника святыя Софея“⁴⁾. Демественник, по Срезневскому, — то же, что доместик (доместикос — это церковный чин).

Кроме того, крайне важно отметить, что на постройку каменной крепости в Порхове новгородцы послали одного из лучших своих воевод — боярина Ивана Федоровича⁵⁾.

Все это позволяет считать, что Порховская крепость была выстроена по всем правилам военной техники, известным новгородцам, в конце XIV в.

¹⁾ Новгородская летопись по синодальному харатейному списку*, 1888, стр. 252.

²⁾ Там же, стр. 346; ПСРЛ, т. III, стр. 83, 226; IV, 58; V, 255; VII, 210; X, 217.

³⁾ Там же, стр. 373; ПСРЛ, т. III, стр. 94; IV, 95 и 138; V, 242.

⁴⁾ Б. Д. Греков. — „Новгородский дом св. Софии“, ч. I, стр. 232.

⁵⁾ Кроме постройки Порхова Новгородская летопись по синодальному списку о деятельности боярина Ивана Федоровича сообщает, что он в 1377 г. ходил в качестве воеводы „к новому городку на Овде на реце, немецкому, и стояша под городом много дней, и посад весь взяша, и волость всю потравиша, и полона много приведоша в Новгород“ (стр. 365). В 1380 г. Иван Федорович вместе с владыкой Алексеем, боярами и жителями людьми участвовал в посольстве к московскому великому князю Дмитрию Ивановичу (стр. 367). В 1411 г. И. Ф. был одним из главных новгородских воевод во время похода против шведов под Выборг (стр. 399). В 1417 г. И. Ф. очищает Заволочье от нападения вятчан (стр. 404).

В километре к югу от каменной Порховской крепости, на правом берегу Шелони, находятся остатки древнего земляного городища. Думают, что это и есть остатки городка, выстроенного Александром Невским в 1239 г. Полагают, что перенесение крепости на новое место было сделано новгородцами только в 1387 г. при построении каменной крепости¹⁾.

Нам представляется более правильным считать, что земляное городище значительно старше знаменитого новгородского князя XIII в. и, возможно, связано еще с дофеодальным обществом. Время построения феодальной крепости на том месте, где стоит каменная, мы относим именно к 1239 г., а в 1387 г. произошла замена деревянных стен каменными.

Наиболее серьезные военные испытания Порховская крепость выдержала в 1428 г. во время осады литовскими войсками под предводительством Витовта. Крепость была сильно повреждена пушками и после недельной осады была вынуждена вступить с Витовтом в мирные переговоры через посадников и „воевод порховских“ Григория Борисовича Посахно и Исаака Андреевича Борецкого²⁾, предложив от себя выкуп в 5000 рублей серебром, по прибавлению Архангельской летописи, „Рижского“, т. е. рижским серебром³⁾.

Таким образом, Порхов остался невзятым литовцами, и 28 июля был заключен мир с Витовтом, которому новгородцами были уплачены вдобавок 5000 руб. и из архиепископской казны 1000 руб. за пленных. Вообще взятый Витовтом под Порховом „окуп“ Воскресенская летопись определяет в „полдевяты тысячи рублей новгородских“ и за „полон“ от архиепископа „две тысячи рублей“, а по II Псковской окуп составлял „пятнадцать тысяч“. Новгородскими же летописями вся сумма окупа исчисляется в 11 тысяч рублей. „А то серебро браша на всех волостях Новгородских и за Волоком с десяти человек по рублю“ (IV Новгород. лет.). У Татищева владычный выкуп указывается в 3000 руб., а у Сумарокова общая сумма выкупа — 17000 руб.⁴⁾.

В летописях содержатся чрезвычайно интересные подробности об осаде Порхова в 1428 г. Витовтом.

¹⁾ Е. Е. Лебедев. — „Порхов и его окрестности“, стр. 34.

²⁾ ПСРЛ, т. IV, стр. 205 и т. V, стр. 26. „Новгородск. лет. по синод. сп.“, стр. 413.

³⁾ Карамзин. — „Ист. госуд. русского“, кн. 2, изд. 1842 г., т. V, примеч. 260.

⁴⁾ В. Н. Татищев. — „История Российская с самых древнейших времен“. СПб, 1784 г., кн. IV. П. И. Сумароков. — „Новгородская история“ (1815), напеч. М., 1890 г., стр. 249, примеч. 821.

В армии последнего было огнестрельное оружие различного калибра и назначения: „бяху же с ним и пушки, и тюфяки, и пищали“. Кроме того к Порхову доставили огромную осадную пушку, называвшуюся „Галкой“, которую, по словам летописи, везли на сорока лошадях с утра и до обеда, на сорока других—с обеда до полудня, на сорока иных—с полудня до вечера. У пушки „Галки“ был „мастер“ немец, именем „Микола“, который похвалился Витовту в том, что он из своей пушки разобьет башню и каменную Никольскую церковь, стоящую внутри крепости. Выстрел этой осадной пушки отличался страшной силой. Летописец говорит, что ядро пробило башню и церковь и, пройдя через крепость, попало в войска Витовта, где убило воеводу Полоцкого, многих людей и лошадей. Священник, служивший при этом в церкви, остался невредим, а самого „немчина пушечника“ при выстреле разорвало, так что остался от него только кусок камзола¹⁾.

Этот летописный рассказ указывает на огромную роль артиллерии при осаде Порхова и большие разрушения, причиненные ею крепости. Кроме того, направление обстрела ясно указывает, что главный штурм подготовлялся литовцами со стороны рва, у Никольской башни. Весьма возможно, что быструю уступчивость новгородцев под Порховом в значительной степени следует приписать невиданному до сих пор могуществу осадной артиллерии, так поразившему летописца.

Вслед за осадой Порхова Витовтом в 1428 г., в 1430 г. „новгородцы приставили к Порхову другую стену“²⁾.

Таким образом, артиллерия сразу же заставила увеличить толщину крепостных стен и, как увидим далее, вызвала к жизни ряд других приспособлений, непосредственно связанных с огнестрельным боем.

Каменная Порховская крепость находится на правом берегу среднего течения реки Шелони. Она защищала юго-западные границы Новгородского государства от Литвы и Пскова. С двух сторон она омывается рекой Шелонью, образующей здесь изгиб, а с двух других сторон—искусственным рвом, который некоторые склонны рассматривать, как обмелевшее древнее русло Шелони. Таким образом, крепость находилась как бы на острове. Такое состояние она имеет весной. В летнее же время

¹⁾ ПСРЛ, т. XIII, 94. — „Русская летопись по Никонову списку“, ч. V, изд. 1789 г., стр. 94—95, ПСРЛ, т. XII, стр. 8.

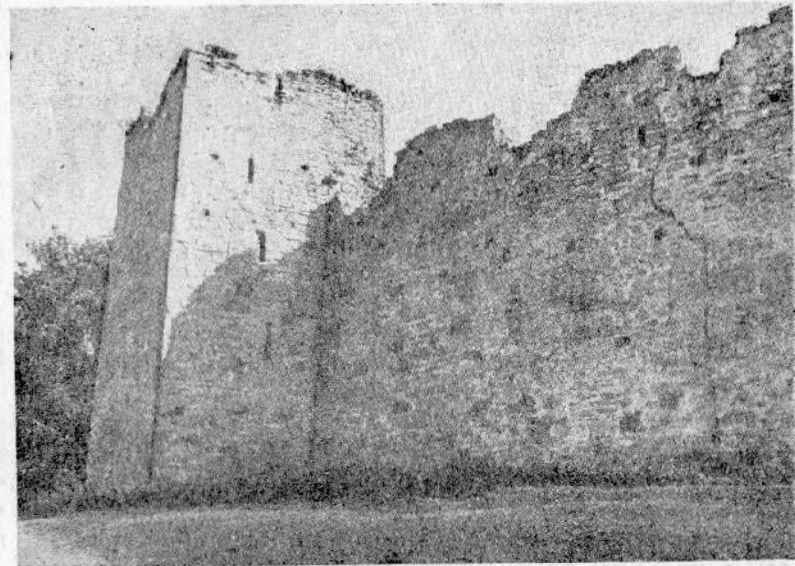
В. Н. Татищев. — „История Российская с самых древнейших времен“, СПб., изд. 1784 г., кн. IV, стр. 499—500.

²⁾ ПСРЛ, III, стр. 110. „Новгородск. летоп. по синод. сп.“, стр. 414.

Ров, проходящий у ее юго-восточных и восточных стен, стоит совершенно сухим.

Форма крепостных стен приближается к пятиугольнику, длина стены, по данным 1767 г., имела 240 сажень¹⁾. В древности крепость имела четыре башни, сейчас их осталось три.

Исследование Порховской крепости на месте, произведенное нами в 1931 г., позволило установить, что значительная часть стен и одна башня прекрасно сохранились без перестройки от 1387 г., в то время как другие участки

Порхов. Малая башня (1387 г.)

стен и две другие башни носят явный отпечаток реконструкции 1430 года. Однако и в этих переделанных в XV в. частях очень легко отличить основу XIV в. от дополнений XV в.

Резко бросается в глаза, что в 1430 г. новгородцы усилили стены и башни крепости, примыкавшие ко рву, т. е. с наиболее угрожаемой и опасной стороны, подверг-

¹⁾ „Дело Порховского полицейского управления за 1766—1767 г.“, Псковск. губ. вед., 1873 г., № 5. Е. Е. Лебедев. — Указ. соч., прилож. № 8. В сметной описи 1699 г. длина стен Порхова определяется в 195½ саж. П. Г. Бутков — „Состояние Великого Новгорода и Порхова в 1699 г.“, Журнал мин. вн. дел, 1841 г., стр. 414.

шейся сильным повреждением от литовской артиллерии в 1428 г. Части крепости, защищенные рекой Шелонью и потому наименее доступные при атаке, не были утолщены новгородцами в 1430 г.

Так называемая Малая башня и примыкающая к ней со стороны Шелони стена исключительно важны для суждения о русских каменных крепостях XIV в., не рассчитанных на сопротивление артиллерии, которая в это время находилась еще в младенческом возрасте.

При описании древних каменных крепостей исследователями усвоено предвзятое мнение, что древние стены и башни были толще и выше по сравнению с их современным состоянием¹⁾.

Это мнение не только чересчур общо, но, можно сказать, прямо противоречит исторической действительности.

На самом деле: стена Порховской крепости у Малой башни, построенная в 1387 г., имеет всего около 1 метра толщины при общей высоте около 8 метров. Такую же толщину первоначально имели Порховские стены на всем своем протяжении до 1430 г., когда со стороны рва они были утолщены вдвое при помощи прикладки новой стенки с наружной стороны старой стены.

Небольшая толщина каменных стен Порховской крепости в XIV столетии не могла быть исключением в каменном крепостном зодчестве XIV в., т. к. сохранившиеся остатки стен XIV в. в других русских каменных крепостях полностью подтверждают это наблюдение.

Таким образом, можно считать, что каменные крепостные стены, сделанные до конца XIV в., были больше рассчитаны на пассивное сопротивление, чем на активную оборону, значительное развитие которой, несомненно, связано с огнестрельным оружием.

Наряду со стеной у Шелони в Порховской крепости прекрасно сохранилась Малая башня, выстроенная так же, как и стена, в 1387 г. Эта прямоугольная в плане башня при общей высоте около 10 метров имеет такую же толщину, как и примыкающие к ней стены, т. е. около одного метра. Внутри она имела четыре яруса и сильно выступает перед стеной.

Так же, как и стены, Малая башня сложена из плитного камня на известковом растворе. Камень довольно мелкий, но прочный, даже без штукатурки стены не сильно выветривались. Ряды кладки идут неровно, облицовочные

¹⁾ С. П. Бартевев. — „Московский кремль в старину и теперь“, стр. 20.

камни лишены тщательной обтески. Штукатурка отсутствует, и хорошо видны пазы от „пальцев“ лесов.

Особенно интересно устройство бойниц в толщине стены башни. Бойницы Малой башни представляют собою узенькие щелки, как снаружи, так и внутри, и могли быть рассчитаны только на стрельбу из лука или арбалета и ни в коем случае не предназначались для артиллерийского боя.

На каждой из трех выступающих сторон башни находятся по три узких отверстия, по одному на каждую сторону для каждого из внутренних помостов башни. Внутреннее пространство башни было разделено тремя деревянными помостами на четыре помещения, сообщавшиеся друг с другом деревянными лестницами. Со стороны двора тыльная стена башни имеет два входа: один на уровне земли, другой расположен в третьем ярусе; в него, возможно, вела деревянная, постоянная или приставная, лестница. Весьма характерно, что Малая башня даже в 1699 г. не имела пушек. По данным сметной описи 1699 г. на Малой башне не было пушек, да и быть не могло, т. к. она никогда не была предназначена для установки артиллерии.

Две другие сохранившиеся башни Порховской крепости, расположенные со стороны рва, были реконструированы в 1430 г. вместе с примыкающими к ним участками стен крепости. Эти стены и башни были усилены утолщением кладки в своих наружных частях. Первоначально эти башни были прямоугольными. Угловая Никольская башня и после реконструкции сохранила свою первоначальную прямоугольную в плане форму, но две ее внешние стены были утолщены на один метр, и в них были сделаны широкие амбразуры и бойницы, приспособленные для артиллерийской стрельбы. Две внутренние стены Никольской башни полностью сохранили свою первоначальную толщину и кладку постройки 1387 г. Толщина этих стен в средних и верхних своих частях не превышает одного метра. Они сложены из кусков плиты разной формы, большей частью небольшого размера. Ряды кладки не отличаются правильностью. Облицовочные камни не имеют правильной обтески. Однако материал и кладка отличаются большой прочностью и почти не пострадали от времени, несмотря на отпадение штукатурки. В древности Никольская башня была проездной. Проездной пролет перекрыт коробовым сводом и в настоящее время почти засыпан землей. Это хорошо видно с внутренней стороны, а с внешней стороны древний проездной пролет замаскирован небольшой часовенкой. В XIX в. на стены башни была поставлена каменная восьми-

гранная колокольня. Проезд под Никольской башней в древности не приводил непосредственно вовнутрь крепости. Пройдя под башней, проходили узким коридором между двух стен: основной и дополнительной, закрывавшей вторые ворота, расположенные в основной стене в нескольких десятках метров к северу от башни.

Порхов. Никольская башня (1387—1430 г.); со стороны двора крепости

Очень хорошо виден характер сделанного в 1430 г. утолщения наружной стены на юго-западном углу башни. Здесь хорошо виден первоначальный вход в башню со стены. Вход этот узкий, с полукруглым верхом; он заложен, по всей вероятности, в 1430 г., так как в это время в дополнительной стене башни сделали новый, более широкий вход. В нижней части башни сохранился первоначальный вход, в который со стороны двора ведет небольшая ка-

менная лестница. В древности Никольская башня имела четыре яруса: нижний — это проездной пролет под каменным сводом, а три других имели деревянные помосты, сообщавшиеся деревянными лестницами. Древние формы крыш Никольской башни неизвестны. В 1699 г. Никольская башня имела около $7\frac{1}{2}$ саж. высоты и 6 саж. ширины ¹⁾.

Формы третьей так называемой Средней башни Порховской крепости еще больше, чем Никольской, были изменены при реконструкции 1430 г. Первоначально в 1387 г. Средняя башня была прямоугольной, т. е. такого же типа, как и Малая. В 1430 г. Средняя башня была утолщена с трех наружных сторон и приобрела в плане подковообразную форму; снаружи она стала полукруглой, а с внутренней стороны крепости она сохранила первоначальную тонкую (около одного метра толщины) и прямую стенку. В сметной описи 1699 г. эта башня имела $7\frac{1}{2}$ саженой высоты и 6 ширины.

В наружных стенах башни сделаны артиллерийские бойницы, не относящиеся, конечно, ко времени ее первоначальной постройки.

Древняя Порховская крепость имела четыре башни. Наряду с тремя, сохранившимися до сих пор, до начала XIX в. существовала еще и четвертая башня, находившаяся на юго-западном углу крепости, у берега Шелони. Она называлась Псковской. Подмытая рекой, она находилась уже в 1878 г. в полуразрушенном состоянии, что и видно на рисунке этого времени ²⁾. Хотя при неточности сохранившегося рисунка трудно судить о формах этой башни, однако все же можно заметить, что она имела такую же форму, как и Средняя после реконструкции 1430 г. Следовательно, можно считать, что и Псковская башня в 1387 г. была четырехгранная. Таким образом, в конце XIV в. все четыре башни Порховской крепости имели прямоугольный план. До 1766—1767 гг. к западу от Псковской башни, вдоль берега Шелони, существовали еще остатки древнего въезда в крепость, который был устроен, так же, как и в Никольской башне, между двух стен ³⁾.

В 1699 г. на трех башнях—Псковской, Средней и Никольской—находились три медные пушки, по одной пушке в каждой башне, к тем пушкам было 601 железное ядро. Кроме того, крепость имела 27 пищалей с 1310 железными ядрами. Сверх того, в Порхове было 26 железных мушкетов

¹⁾ Е. Е. Лебедев. — Ук. соч., прилож. № 5, стр. 4.

²⁾ Рисунок издан у Е. Е. Лебедева в ук. соч., стр. 29.

³⁾ Е. Е. Лебедев. — Ук. соч., прилож. № 8.

и 60 длинных копьев. В крепости еще находились 90 больших каменных и 220 меньших каменных ядер, пушек к которым не было. Четыре бочки пороха, куски свинцу и фитили хранились в крепости под каменной церковью Николая чудотворца ¹⁾. Деревянные ворота Порхова обивались железными листами, которых по сметной описи 1699 г. значилось 260 штук ²⁾.

В конце XV в. собственно в „городе“ Порхове находились церковь св. Николая и 23 дворовых места новгородского владыки и „сведенных бояр“, а на „посаде“ Порхова — двор наместника, 5 церковных и 68 черных дворов ³⁾. Населения в Порхове, по старому письму, 80 человек, а по новому (1498 года) письму 98 человек ⁴⁾. В половине XVI в. в Порхове был один двор „наместнич“ да два двора „городничих“, 5 „церковных“, 4 двора „воротниковых“ и 5 дворов „пищальничих“, а всего дворов тяглых и нетяглых 71 да пустых тяглых дворов 11 ⁵⁾.

В 1626 г. население Порхова определялось в 75 человек ⁶⁾. В 1647—1648 гг. количество служилых в Порхове людей определялось: 50 стрельцов с сотником, пушкарей 2 человека да воротников 2; „в съезжей избе—подьячий... и сторож“ ⁷⁾.

В 1699 году в Порхове были воевода, 50 стрельцов, пушкарь, 2 воротника и „посадских людей, которые в службе великого государя написаны, 190 человек“ при общей сумме всяких чинов жителей 444 человека ⁸⁾.

На участке порховских стен, идущих по берегу Шелони к западу от Малой башни, находятся остатки каменной лестницы, служившей для подъема на стену с внутренней стороны крепости

В данных 1699 г. очень любопытно описание небольшого подземного хода, служившего для водоснабжения крепости. Об этом источник сообщает следующее: „Да в городе ж Порхове под городовую стену в Шелонь реку тайник каменный; и тот тайник горазно осыпался, и водою

¹⁾ Эта церковь была выстроена в камне в 1412 г. („Новгор. лет. по синод. сп.“, стр. 399), за ветхостью в 1767 г. она была разобрана и выстроена вновь (Лебедев.—Ук. соч., прилож. № 8).

²⁾ Е. Е. Лебедев.—Ук. соч., прилож. № 5, стр. 5.

³⁾ А. М. Андрияшев. „Мат. по ист. геогр. Новг. земли“, стр. 383.

⁴⁾ Новг. писц. книги, т. V, изд. 1905 г., стр. 262.

⁵⁾ Акты арх. экспед., т. I, № 205, стр. 187—188. Лебедев.—Ук. соч., прилож. № 3.

⁶⁾ С. М. Соловьев.—„Ист. России“, кн. II, изд. товарищества „Сбщ. польза“, стр. 13 б.

⁷⁾ Доп. к акт. ист., III, № 36, стр. 121—122. Лебедев.—Ук. соч., прилож. № 4.

⁸⁾ Е. Е. Лебедев.—Ук. соч., прилож. № 5.

скуден горазно. И которые в тайник были трубы из колодезя в Шелонь реку, и те трубы засегли. И ныне тот тайник стоит порушився, и в осадное время водою прожить немочно. А в городе Порхове колодезей, опричь того, тайника, никакого нет“ ¹⁾.

В том же документе упоминается еще деревянный раскат и каменная тюрьма в стене.

Из приведенного описания видно, что, несмотря на реконструкцию 1430 г., в Порховской крепости очень легко выделить первоначальные части 1387 г., сохранившиеся вследствие недолговременности боевой активности крепости, которая уже с конца XV в. попадает в тыловую, второстепенную, линию укреплений Московского государства на северо-западе. Ни во время ливонской войны, ни в эпоху так называемого „Смутного времени“ Порховская крепость не играла заметной роли, а в конце XVII в. находилась уже в довольно запущенном состоянии.

Это счастливое стечение обстоятельств и сохранило для нас редчайший и, можно сказать, единственный образец русской каменной крепости XIV в.

Исследование Порховской крепости дает нам теперь возможность несколько расшифровать сложную строительную историю других русских каменных крепостей, ни одна из которых не сохранила своего первоначального устройства с такой ясностью, как Порховская.

Кроме того, исследование Порховской крепости позволяет нам с полной отчетливостью поставить вопрос о тех крупных изменениях в каменном крепостном зодчестве, которые были вызваны появлением артиллерии.

Становится совершенно очевидным, что все другие русские каменные крепости, даже построенные первоначально раньше Порховской, подверглись капитальным перестройкам, коренным образом изменившим их древнейший вид, и что перестройки эти, главным образом, объясняются возникновением и развитием артиллерийского боя.

Можно привести многочисленные факты, полностью подтверждающие эти соображения.

Знаменитая Староладожская крепость, воспетая Бранденбургом, как прекрасно сохранившаяся каменная твердыня начала XII в., при внимательном рассмотрении чертежей ее, изданных тем же Бранденбургом, дает нам ничтожные следы древнейших строительных периодов и в подавляющей своей части относится к значительно более поздним эпохам своей истории, связанным уже с огнестрельным оружием.

¹⁾ Е. Е. Лебедев.—Ук. соч., прилож. № 5, стр. 5.

Особенно хорошо это видно на чертежах башен Старо-ладожской крепости.

Почти все башни этой крепости в своих частях, обращенных внутрь, сохранили тонкие стенки, свидетельствующие о том, что наружные сильно утолщены как снаружи, так и внутри для сопротивления артиллерийскому оружию.

Булыжные камни, находящиеся в облицовочных частях Староладожских башен и придающие им архаический вид, не относятся к первоначальной кладке, а вводятся в большом количестве в кладку наружных частей крепостных стен опять-таки для противодействия разрушительной силе артиллерийских ядер. Яркими примерами такого назначения является кладка стен Псковской и Гдовской крепости в XV—XVI вв.

В это время особенно старались усилить булыжным камнем подножие стен, так как каменные стены, подбитые в этой части, быстро падали.

Из четырех башен Старой Ладogi Воротная сохранила четырехугольную форму, а остальные три, характеризованные Бранденбургом как круглые, в действительности имеют крайне неправильную форму, что вызвано сильными утолщениями, которые нарушили первоначальную прямоугольность плана этих башен.

При рассмотрении чертежей этих трех башен Старой Ладogi ясно видно, что во внутренних частях они сохраняют остатки первоначального прямоугольного плана, а наружные их части после многочисленных изменений можно назвать полукруглыми. Мощные амбразуры и бойницы Старой Ладogi явно рассчитаны на огнестрельное оружие и не могут относиться к XII и XIV вв.

Несомненно, одной из важнейших дат реконструкций, резко изменивших башни и стены Староладожской крепости, были строительные работы, произведенные в ней в 1445 г. новгородским архиепископом Евфимием ¹⁾.

Так рушится научная легенда о принадлежности развалин Староладожской крепости к XII веку.

Псковская крепость, имеющая наиболее бурную боевую историю и испытывавшая на себе удары первоклассных западно-европейских войск, постоянно должна была находиться на высоком уровне военной техники. Действительно, ни одна из древне-русских крепостей не подвергалась таким бесчисленным перестройкам, как Псковские укрепления. Однако резко бросается в глаза, по летописным данным, что наиболее напряженные строительные работы по утолщению и повышению стен и сооружению новых

¹⁾ „Новгородск. лет. по синод. сп.“ 1888, стр. 424.

башен во Пскове падают на конец XIV в. и первую половину XV века, что явно ставит эти работы в зависимость от технического переворота, вызванного в эту эпоху огнестрельным оружием ¹⁾.

Интересно отметить некоторые части Псковских стен, сохранившиеся без перестройки от XIV в. и вполне соответствующие древнейшим частям Порховской крепости.

Остаток стены 1375 г. так называемого Среднего города во Пскове, что идет вдоль б. Казанской улицы к берегу Псковы, несмотря на утолщения, сделанные в 1399, 1432 и 1453 гг., отличается небольшой толщиной: около одного метра в верхних частях и раза в $1\frac{1}{2}$ толще в нижних. Эти стены не имели почти никакого военного значения в XVII в. и уже не ремонтировались в это время, что совершенно ясно из следующей надписи на чертеже Псковских укреплений XVII в.: „Город середний по досмотру осыпался весь, починить не мочно“ ²⁾.

Наиболее древняя часть стены Псковского кремля, по-видимому, XIV века, стоящая на высоком и крутом берегу реки Великой, имеет такую же незначительную толщину, в то время как другие стены Псковского кремля, подвергавшиеся многочисленным реконструкциям, значительно толще.

Каменная Изборская крепость, выстроенная псковичами в 1330 г., находившаяся до начала XVIII в. на наиболее беспокойной границе и подвергавшаяся значительным перестройкам, имеет в южной своей части стену с хорошо видимым по профилю швом, разделяющим две примыкающие друг к другу стены. Здесь, вследствие обвала части стены и обнажения профиля, опять можно отметить усиление первоначальной стены при помощи прикладки дополнительной.

Все приведенные нами примеры древних стен, построенных до развития огнестрельного оружия, кроме незначительной толщины, почти не превышающей метра в верхних своих частях, совершенно не имели амбразур, бойниц и камер для хранения огнестрельных припасов в своих нижних частях, а зубцы их отличались большой шириной. Например, зубцы Порховской стены 1387 г. имеют около 3-х метров ширины. Копорская крепость, несмотря на свою раннюю летописную дату каменной постройки, относящейся к 1282 г., в действительности оказывается постройкой

¹⁾ ПСРЛ, т. IV и V, годы: 1393, 1397, 1400, 1401, 1402, 1404, 1407, 1417, 1432, 1452, 1453, 1458, 1462, 1465.

²⁾ И. И. Василев. — „Археологический указатель г. Пскова и его окрестностей“, 1898 г., стр. 60.

конца XV или начала XVI в., возведенной Московским правительством при реконструкции прежних новгородских крепостей на северо-западных границах Руси против шведов и Ливонского ордена.

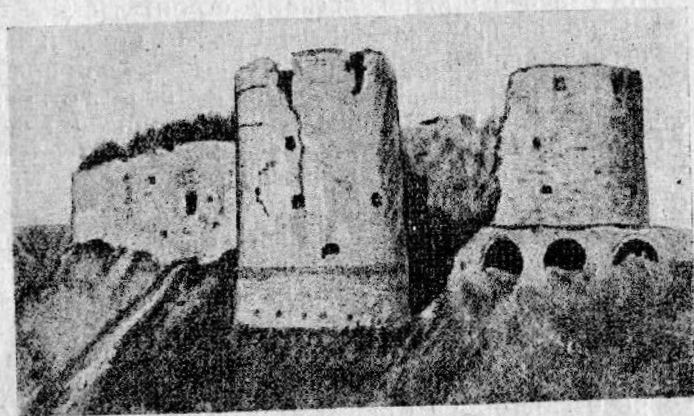
Детальное исследование Копорской крепости, произведенное в июле 1935 г. мной и Н. Н. Белеховым, устанавливает, что дошедшее до нас сооружение не сохранило остатков каменной крепости конца XIII в., а все четыре Копорские башни имеют тип чрезвычайно близкий к Псковской Гремячей башне 1525 г.¹⁾ Тожественность приемов тески камня, кладки, формы башен, толщина их стен (около 5 метров в нижних частях), устройство бойниц, лестниц и сводов заставляют даже предположить, что Копорская крепость и Псковская Гремячая башня строены, повидимому, одними и теми же мастерами. Нам кажется, что Копорье было выстроено раньше, а именно в конце XV или в начале XVI века, и стоит в тесной связи с постройкой Ивангорода. Очевидно, Копорье в это время приобрело очень важное стратегическое значение, служа защитой коммуникационных линий ивангородского гарнизона.

Можно считать, что попытки исследователей восстановить облик стен и башен Новгородского кремля для XII и XIV столетий обречены на полную неудачу, так как дошедшие до нас каменные стены и башни его не имеют ничего общего со стенами и башнями XIV в., тип которых выяснен нами при исследовании Порховской крепости. Большая толщина новгородских стен и башен, а также их устройство, явно предназначенное для развитого огнестрельного боя, не соответствуют каменным крепостям XIV века, что было уже отмечено нами на примере Порхова и других памятников XIV в. Не требует особых доказательств то соображение, что стены Новгородского кремля, строенные в первой половине XIV века и пережившие переворот в технике крепостного строительства, вызванного появлением и развитием огнестрельного оружия, были явно устарелыми и не соответствовали военной технике в конце XV века. Этим обстоятельством и была вызвана грандиозная перестройка Новгородского кремля, произведенная Москвой в течение 10-летнего периода — с 1490 по 1500 г. Хотя летопись и упоминает, что постройка нового Новгородского кремля в 90-е годы XV века производилась на

1) Фотографии Гремячей башни изданы: Василев. — „Арх. ук. г. Пскова и его окрестностей“, стр. 64. Н. Ф. Ожудич-Казарин. — „Спутник по древнему Пскову“, рис. В. Брикенберг. — „Изборск, как памятник крепостного зодчества и Гремячая башня во Пскове“, рис. 14, 15, 16, 17, 18, 19. Труды Псковск. арх. об-ва, в. 12.

старой основе, нам кажется, что дело не ограничилось облицовкой кирпичом, как полагают некоторые исследователи.

История реконструкции Порховской, Псковской, Староладожской и Копорской крепостей в XV веке заставляет думать, что тонкие и обветшавшие стены Новгородского кремля, строенные в XIV веке, были в несколько раз утолщены к 1500 г., а затем уже обложены снаружи кирпичом. Тот факт, что за одним рядом кирпичной кладки в стенах и башнях Новгородского кремля мы видим плитный камень, не может служить доказательством принадлежности этой плитняковой кладки к XIV в., так как хорошо известно, что стены Московского кремля, строенного в то же время, что и Новгородского, т. е. в конце XV века, строи-

Копорье. Стены и башни конца XV и начала XVI вв.

лись и из камня и из кирпича. Мы считаем, что в 90-е годы XV века стены Новгородского кремля были сначала утолщены при помощи плитняковой кладки и лишь затем облицованы кирпичом. Некоторые полагают, что круглые башни Новгородского кремля (Митрополичью и Федоровскую) в нижних частях следует считать сохранившими формы XIV века на том основании, что низ этих башен каменный, а верх и облицовка кирпичные. С нашей точки зрения, это мнение не является доказанным по тем же соображениям, которые мы сделали по отношению к стенам. Московская техника этой эпохи часто применяла подобное сочетание каменной и кирпичной кладки. Примером такой кладки могут служить Московский кремль и трапезная Троицкого Калязина монастыря на Волге, построенная в 1525—1530 гг. Летом 1929 г. нам удалось

установить, что нижние части стен этой трапезной, имеющей три этажа, сделаны из белого камня, а верхние части сложены из кирпича. Не лишне заметить, что Федоровская башня Новгородского кремля в XIV веке была проездной, а башни такого назначения в XIV в. всегда были прямоугольными в плане.

Следовательно, можно утверждать, что дошедшая до нас круглая Новгородская Федоровская башня целиком (как в своих кирпичных, так и каменных частях) построена в конце XV в. Датировку Новгородской Белой башни, в ее существующих формах, XIV веком также следует подвергнуть большим сомнениям. Ее большая толщина, кирпичная облицовка и бойницы для огнестрельного оружия также могут быть отнесены к московскому строительству конца XV века. К косвенным указаниям на то, что стены и башни Софийской стороны одновременно с Новгородским кремлем были реконструированы москвичами к 1500 г., относится летописный рассказ о крестном ходе и освещении сначала нового Новгородского кремля, а затем наружного крепостного обвода Софийской стороны новгородским архиепископом Геннадием 8 и 15 декабря 1500 г.¹

Доказательства принадлежности новгородских кремлевских стен и башен к концу XV века можно было бы значительно увеличить, но для этого необходима специальная работа.

Совершенно очевидно, что вопросы, поставленные в настоящей статье, затрагивают более широкую историческую тему о борьбе Новгорода с Москвой и Литвой в XIV—XV вв. и о военной технике этих государств.

Победа Москвы над одряхлевшей боярской вечевой республикой была ускорена превосходством московской военной организации и оружия.

Об этом явно свидетельствует полная реконструкция древних новгородских крепостей, произведенная Москвой вскоре после захвата Новгорода.

¹ „III Новгородская летопись“. СПб., 1879, стр. 59—64.